
АНТРОПОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

УДК 291.37

DOI: 10.31249/hoc/2024.04.10

*Зубковская А.А.**

ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ХОББИХОРСИНГОМ И РЕЛИГИЕЙ: ИМИТАЦИЯ И СУБСТИТУЦИЯ В КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье рассматривается культурное проявление имитации и субституции на материале хоббихорсинга и религиозных ритуалов. Основой для анализа служит теория субституции историка искусства Эрнста Гомбриха и развитие его идей философом Кендаллом Уолтоном. Установленная связь между детской игрой и искусством в работах этих авторов открывает возможность применения теории субституции для понимания религиозных ритуалов. С этой перспективы действия, происходящие во время религиозных обрядов, могут быть интерпретированы не только как имитация в широком смысле, но и как замещение репрезентаций. Ключевым аспектом субституции в культурных контекстах является воображение участников, которые способны создать новую самостоятельную семантику ритуала, игры или произведения искусства. Напротив, для стороннего наблюдателя значение этих действий может теряться, и они могут воспринимать их лишь как притворство или «игра понарошку». В заключение подчеркивается, что имитация и субституция представляют собой необходимые и естественно складывающиеся основы

* *Зубковская Анастасия Александровна* – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; zubkovskaya@inion.ru

Zubkovskaya Anastasia Alexandrovna – Researcher at the Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; zubkovskaya@inion.ru

культурного развития, позволяют сопоставлять религиозные и светские явления в рамках процесса секуляризации.

Ключевые слова: хоббихорсинг; квадробика; териантропия; религия; культура; имитация; замещение; репрезентация; ритуал.

Поступила: 05.08.2024

Принята к печати: 12.09.2024

Для цитирования: Зубковская А.А. Что общего между хоббихорсингом и религией: имитация и субституция в культуре // Вестник культурологии. – 2024. – № 4(111). – С. 156–168. – DOI: 10.31249/hoc/2024.04.10

Zubkovskaya A.A.

**What Do Hobbyhorsing and Religion Have in Common:
Imitation and Substitution in Culture**

Abstract. The article examines the cultural manifestation of imitation and substitution through the lens of hobbyhorsing and religious rituals. The conceptual foundation of this work is the theory of substitution proposed by art historian Ernst Gombrich, as well as the development of his ideas by philosopher Kendall Walton. The established connection between children's play and art in the intellectual work of these authors opens up the possibility of applying the theory of substitution to the understanding of religious ceremonies. From this perspective, the actions taking place during religious rituals can be interpreted not only as imitation in a broad sense, but also as the replacement of one form of representation with another. A key aspect of substitution in cultural contexts is the imagination of the participants, who are able to create a new independent semantic meaning for a ritual, game, or work of art. Conversely, for an outside observer, the significance of these actions may be lost, and may be perceived merely as pretense or "make-believe". In conclusion, it is emphasized that imitation and substitution constitute necessary and naturally occurring foundations of cultural development, allowing for the comparison of religious and secular phenomena within the framework of the process of secularization.

Keywords: hobbyhorsing; quadrobics; therianthropy; religion; culture; imitation; substitution; representation; ritual.

Received: 05.08.2024

Accepted: 12.09.2024

For quoting: Zubkovskaya A.A. What Do Hobbyhorsing and Religion Have in Common: Imitation and Substitution in Culture // Herald of Culture. – 2024. – No. 4(111). – P. 156–168. DOI: 10.31249/hoc/2024.04.10

В 2010 г. в небольшом городке на западном побережье Финляндии подростки заметили в лесу недалеко от школы свою одноклассницу, которая изображала всадницу и гарцевала на игрушечной палке-лошадке. Это была 11-летняя Алиса Аарниомяки, основательница детско-юношеского движения и спортивного увлечения под названием «хоббихорсинг» («хобби» в данном случае означает не только, собственно, увлечение или хобби, но также «маленькую лошадку»).

В 2023 г. Алиса стала мировой чемпионкой по езде на воображаемой лошади. К этому моменту официальные комьюнити хоббихорсеров открылись уже в нескольких странах, в том числе в России. Как и другие официальные хоббихорсинговые сообщества, Ассоциация хоббихорсинга России регулярно проводит соревновательные мероприятия по конкуру и выездке, которые посещает более 200 человек. В 2024 г. такой чемпионат прошел в Санкт-Петербурге. Состязания включают также маршруты с барьерами от 30 до 110 см, проходя которые всадник должен держать правильную осанку, имитировать управление лошадью, как если бы она была реальной, а также изображать ногами различные аллюры, то есть виды походки лошади – шаг, рысь, иноходь, галоп и т.д. При этом сам хорс является спортивным снаряжением и его вес может достигать до нескольких килограммов.

Хоббихорсинг получает неоднозначные реакции в массовой культуре. Чаще всего люди снисходительно комментируют это увлечение или критикуют, называя его слишком детским, наивным, глупым. Поскольку половых и возрастных ограничений в хоббихорсинге нет, конники могут достигать возраста 25 лет и старше, так что и в этом отношении встречается много негативной критики. Заметно, что в хоббихорсинге преимущественно участвуют девочки и девушки от шести до семнадцати лет. Некоторые видят в этом определенную феминистскую посылку, говоря о том, что в этом отношении хоббихорсинг составляет андеграундную женскую субкультуру, представительницы которой демонстрируют сильные личностные качества, свободу выражения, несмотря на высмеивание и неприятие публикой.

Имитацию лошадиных скачек в хоббихорсинге можно также сопоставить с другой современной детско-юношеской субкультурой, которая называется квадробика. Это слово происходит из соединения латинского *quattuor* – четыре и английского *aerobics* – аэробика. Квадробика включает в себя имитацию действий различных животных – кошек, собак, лис, обезьян и т.д. Это может быть не только передвижение на четырех конечностях, но также оскал, рычание, мурчание, движение ушами, моргание и т.д. Квадроберы также могут использовать маски, накладные хвосты и уши. За счет того, что имитация движений животных требует физических усилий, считается, что квадробика играет оздоровительную роль и может приносить физическую пользу для самих подражателей.

Квадробике как спортивной дисциплине предшествовала программа гимнастических тренировок в стиле *animal flow*, которую разработал фитнес-тренер Майкл Фитч в 2010-х годах. Он интегрировал в упражнения такие движения, которые копируют животных: передвижение на четвереньках, опора на ладони и стопы. К этому можно прибавить такие практики как «первобытный паркур» и «acro-йога», которые сопровождаются имитацией животного лазанья и карабканья на стены, сочетая в себе различные элементы физкультурных упражнений.

Кроме того, некоторые квадроберы соотносят себя с молодежной субкультурой териантропов (или терианов), которые отождествляют себя с животными и вкладывают в эту самоидентификацию психологическое значение. Зооморфизм терианов интерпретируется ими как возвращение к первоначальному замыслу Природы, то есть они убеждены, что они помещены в тело разумного человека по ошибке, в то время как на самом деле они являются представителями какого-то другого вида. Териантропия сопровождается переодеванием в костюмы животных, специальными собраниями, на которых териантропы могут воспроизводить взаимоотношения животных между собой (например, «бодание» головой как у кошек), ритуалы и даже более специфические действия (например, имитация территориальной метки путем разбрызгивания воды после гигиенического использования, типа умывания).

Подражание животным, и в частности игра с палкой-лошадкой, является старинной детской забавой. Хоббихорсинг можно также обнаружить и в народной культуре. Одно из ранних упоминаний хоббихорсинга мы находим в научно-популярной книге 1876 г., посвящен-

ной британским обычаем. Автор книги Томас Фирмингер Тиселтон-Дайер сообщает, что в английском прибрежном городе Майнхед графства Сомерсет существовала традиция празднования Первой под названием «хобби-хорсинг» [Thiselton-Dyer, 1876, p. 262]. Группа молодых людей, преимущественно рыбаков и моряков, изготавливали фигуры лошадей с длинными хвостами, достаточно большими, чтобы замаскировать людей, которые должны их нести. Участники этого представления совершали прогулку по окрестностям и просили у жителей денежные вознаграждения, угощения и пиво.

В книге также упоминается, что, если кто-то из людей отказывался от подношения, его могли подвергнуть осмеянию, преследованию или даже пинкам [Thiselton-Dyer, 1876, p. 262]. Автор полагает, что такой обычай скорее всего может быть возведен к древним практикам народных приходских гуляний. Безусловно, такое описание напоминает обрядность европейской традиции ряженья на Масленицу, обычаи вокруг славянского праздничного комплекса святок, американский Хэллоуин. В юго-восточных европейских акробатических ритуальных танцах (кэлуш в Румынии, кэлушарь в Молдавии, русалье в Сербии) ряжение и хобби-хорсинг являются неотъемлемой частью сакрального представления.

Между тем лежащий в основе хобби-хорсинга механизм имитации имеет фундаментальный смысл для понимания культуры и человеческого поведения в целом. Впервые понятие подражания (*μίμησις*) появляется в античной культуре. Греческие мудрецы считали, что устройство человеческого тела подобно тому, как устроен космос. Позднее Платон и Аристотель сформулировали эстетическую теорию о том, что искусство является уподоблением природе, оно есть подражание, изображение, *mimemata*. Аристотель считал, что мимезис является первым способом познания окружающего мира и доставляет человеку удовольствие [Аристотель, 1927, с. 44].

С точки зрения эволюционного подхода имитация составляет способ социального научения, или, иначе говоря, передачи, распространения и трансформации единиц культурной эволюции. При этом под такими эволюционными единицами можно понимать репрезентации,

ментифакты¹ или мемы², иными словами, «ментальные репликаторы» по аналогии с генами как единицами биологической эволюции.

Этолог Конрад Лоренц объяснял, что подражание в определенном смысле слова можно назвать когнитивной функцией [Лоренц, 2016, с. 500]. Имитация является предпосылкой понятийного мышления и возникает на этапе сенсомоторного развития у ребенка. Считается, что ребенок бессознательно повторяет за окружающими действия и слова [Валлон, 1967], но тем не менее подражание нельзя редуцировать только лишь к проявлению бессознательного.

Необходимо также отметить, что «имитация» в данном контексте имеет широкий смысл. К подражающему поведению можно отнести не только собственное воспроизведение действий другого организма, но и симуляцию, маскировку (мимикрию), моделирование, и даже в определенном смысле заражение. Такое обобщение осуществляется на основании того, что эти процессы задействуют один и тот же навык человека устанавливать сходство и различие.

Имитация и ее разновидности встречаются как в человеческой культуре, так и в культуре животных. Например, известно, что подражательные навыки наиболее развиты у птиц. В частности, Лоренц пишет, что их «моторика пения не задается в виде наследственной координат; у птицы имеется врожденный акустический шаблон, который впоследствии точно так же, как рано услышанная последовательность звуков, переводится под контролем слуха в моторику пения методом проб и ошибок» [Лоренц, 2016, с. 502]. Передачу культурной информации в целом он называет традицией. Такая «традиция» встречается, например, у гусей, когда взрослые особи передают молодому поколению знания о путях перелета. В отличие от традиции у птиц, человеческая передача знаний практически не привязана к эмпирическому объекту, и информация передается преимущественно посредством символов.

История человеческой культуры в целом демонстрирует, что большинство культурных феноменов имитируют явления окружающей среды. Так, крыло самолета подражает настоящему птичьему крылу, метрополитен похож на червей, зарывающихся в землю, маски

¹ Термин Джулиана Хаксли.

² Термин Ричарда Докинза.

имитируют звериный оскал и т.д. Культура может подражать не только природе, но и самой себе. За счет имитации, в частности, происходит отправление религиозных ритуалов, нацеленных на воспроизведение повседневных или мифологических событий в символической форме. Обряды инициации, например, имитируют смерть и рождение посвящаемого. Так, в индийском ритуале упанаяна присутствует яркая эмбриологическая символика. Ученик, который проходит посвящение, наносит на тело желтый порошок, означающий цвет эмбриона в околоплодных водах, затем он уединяется на трое суток, имитируя нахождение зародыша в чреве матери. Ведические источники нам сообщают об этом ритуале следующее:

Учитель, вводя (его), делает брахмачарина

Зародышем внутри себя.

Три ночи он носит его в животе.

Когда он родится, боги приходят, собравшись, его посмотреть [Атхарваведа, 2007, с. 146].

Во многих календарных ритуалах, связанных преимущественно со сменой сезона, присутствует символизм копирования событий, случившихся в далеком мифическом прошлом. Такой смысл, в частности, имеют новогодние обряды, которые воспроизводят акт сотворения мира. Известно, что в традиционной религии индейцев, проживающих в западной Калифорнии, существует ритуальная церемония, которая подразумевает прохождение по специальному маршруту, повторяющему путь бессмертных высших существ-демиургов. При этом участники ритуала знают, что если универсум не будет обновлен, то все вокруг перестанет существовать в подлинном его смысле.

Историк Карло Гинзбург демонстрирует культурное выражение имитации на примере скульптурной репрезентации короля в рамках погребальной обрядности. Он пишет, что само слово «репрезентация» скорее всего указывает на использование манекена или на пустой гроб, свидетельствующее о том, что восковой колосс предназначен для миметического напоминания о том, что «король не умирает никогда». Эффигия имитировала настоящего короля в его отсутствие. Так, например, во Франции и в Перу, «мертвые цари, в принципе, сохраняли власть: отсюда тесные взаимоотношения, выражавшиеся у инков в

ритуальных трапезах» [Гинзбург, 1998, с. 16]. Во Франции репрезентация короля сохраняла ему номинальную власть до тех пор, пока не был посвящен новый правитель. В этом отношении репрезентация, по словам Гинзбурга, имеет два значения: имитацию и субституцию.

На наш взгляд, это два взаимно пересекающихся процесса, которые создают сильную символическую нагрузку для того или иного культурного феномена. Иными словами, не всегда становится ясно, имеем ли мы дело с подражанием или замещением. Выражаясь словами Кайуа, «с какой стороны ни взглянуть, основной проблемой остается проблема различия: между действительным и воображаемым, между явью и сном, между неведением и знанием и т.д. — одним словом, всех тех различий, четким осознанием и необходимым разрешением которых должна являться реальная деятельность» [Кайуа, 2003, с. 83].

Определенное символическое обременение, связанное с понятиями имитации и субституции, мы обнаруживаем при столкновении с богословской интерпретацией таинства Евхаристии в христианстве. В то время как ряд протестантских вероисповеданий (лютеране, кальвинисты, баптисты и т.д.) воспринимают причастное вино и хлеб как символы крови и тела Христа, в католическом и православном богословии используются термины «преложение» (*μεταβολή*), претворение (*μεταποίημα*) и «пресуществление» (*transsubstantiatio*) для указания на реальное превращение Святых Даров в тело и кровь Христовы¹. Таким образом, если антропологическая точка зрения на Причастие указывает на *символическую имитацию* реального тела и крови, то богословская интерпретация этого таинства предполагает *действительное замещение* хлеба и вина.

В этом контексте интересно обратиться к теоретическим наблюдениям историка искусства Эрнста Гомбриха и его концепции визуальной репрезентации как субституции. В эссе «Размышления об игрушечной лошадке» (1951) он выдвигает идею о том, что любой образ, и прежде всего репрезентация в искусстве, не является имитацией, но, напротив, основывается на субституции, понимаемой как биологически фундированный процесс, позволяющий сделать жизненный опыт человека континуальным и непрерывным [Небольсин, 2022, с. 104].

¹ Учение о пресуществлении было изложено на Латеранском соборе в 1215 г., а также на греческих поместных соборах в XVII в.

Он иллюстрирует свою концепцию на примере палки-лошадки. Так, мы думаем, что ребенок *имитирует* лошадиные скачки, но Гомбрих нас убеждает в том, что «ребенок не создает образ в словарном смысле слова: он *создает* лошадку из палки или метлы, и для этого нет нужды дотошно копировать внешний вид лошади или совершенствовать «формальные» характеристики палки» [Небольсин, 2022, с. 104]. Ребенок использует палку буквально *вместо* лошади, замещает ее. Можно сказать, что он действует максимально естественно, точно так же, как какой-нибудь древний аристократ, рядом с которым хоронят статуэтку слуги и фигурку лошади, чтобы те сопровождали его в мире ином [Gombrich, 1985, с. 3]. В обоих случаях мы имеем дело с субститутивной репрезентацией лошадки, поскольку она не просто симулирует животное, а воспроизводит новый самостоятельный смысл.

Развивая мысль Гомбриха, философ Кендалл Уолтон предлагает все же отказаться от понятия «субституция», поскольку, например, очевидно, что выступать на лошади на соревновании в конном спорте не равнозначно хоббихорсингу [Walton, 2008, p. 65], точно так же, как яблоко, изображенное на натюрморте, не замещает настоящий фрукт. Уолтон предлагает термин *make-believe*, который обозначает притворство, игру «понорошку». Он ставит в центр этой деятельности воображение, таким образом, что репрезентации становятся лишь его «реквизитом» [Небольсин, 2022, с. 106].

Гомбрих и Уолтон с разных позиций сближают детскую игру и искусство. То и другое задействует различные параметры воображения, позволяющие субъекту генерировать определенные сценарии и репрезентации, представлять, что он в действительности их видит. Эта игра «понорошку» воспроизводит определенную действительность, в которую верят сами участники игры. В результате происходит реальное вовлечение человека в процесс феноменального воспроизведения придуманной ситуации.

Обращаясь к хоббихорсингу, можно отметить, что эта субкультура включает в себя не только сами соревнования, но и изготовление хорсов, их дизайн, также обязательно придумывать им кличку. В документальном фильме Сельмы Вилхунен хоббихорсерки рассказывают о своих лошадях на палке как о реальных, описывая их поведение и характер [Hobby Horse Revolution ... , 2017]. Они хвалят своих хорсов, прощаются с ними, если те уже «состарились» и не могут больше

выступать. Воображение и эмоции в хобби-хорсинге играют ключевую роль, поэтому невовлеченные в эту игру зрители не могут взглянуть на нее дальше рамок, оценивающих происходящее как притворство и симуляцию.

Точно так же мы можем рассуждать о смысле первобытного искусства. Незаинтересованный обыватель скорее всего вынесет суждение о том, что пещерная живопись еще «не была развита» до таких изобразительных форм, как, например, демонстрирует нам новоевропейский реализм. Однако если мы посмотрим на смысл этих изображений с точки зрения теории субституции, она приобретет черты самостоятельности. В этом смысле древний художник не просто копирует сцены охоты из реальной жизни, он воспроизводит некий «параллельный мир» благодаря своему воображению. Гомбрих также сталкивает «творение» и «имитацию», желая показать, что создание образа – это не копия и не симулякр, а указание на «первобытные истоки искусства», так же как в детских играх фундаментальным образом раскрываются естественные для человека креативные способности [Gombrich, 1985, p. 5]. Такая идея фигурирует в когнитивной археологии Дэвида Льюиса-Уильямса, когда тот говорит, что «по-детски» изображенные кони и охотники в жилище охотника-собирателя скорее всего это «портал в иной мир», который древние шаманы использовали для того, чтобы войти в другое измерение [Lewis-Williams, Clottes, 1998].

Сближение детской игры и искусства в теоретических построениях Гомбриха и Уолтона о субститутах и воображении может быть полезным для анализа религиозных феноменов в культуре. В частности, можно увидеть, что религиозные ритуалы имеют определенное сходство с игрой «понарошку», притворством и/или замещением. Со стороны невовлеченного зрителя религиозный ритуал (например, христианская литургия или инициация у австралийских индигенных народов) может восприниматься как притворство, но для участников церемонии происходящее всегда носит *подлинный* смысл. В этом плане теория субституции позволяет осмыслить ритуал как то, что имеет собственную семантическую ценность, несмотря на то что его смысл может быть связан с другим явлением и событием. Гомбрих наделяет субститутивным значением использование идолов в культе: «Вопрос о том, представляет ли это “внешнюю форму” конкретного божества или, если уж на то пошло, принадлежность к классу демонов, совершенно

неуместен. Идол служит заменой Бога в богослужении и ритуалах – это рукотворный бог именно в том смысле, в каком палка-лошадка является рукотворной лошадью; подвергать его дальнейшему сомнению, значит прибегать к обману» [Gombrich, 1985, с. 3].

Итак, посредством анализа культурных проявлений имитации и субституции мы можем прийти к заключению о том, что как светские, так и религиозные действия подчиняются миметической и субститутивной культурной механике. Она обнаруживается при попытке выявить семантику того или иного секулярного или религиозного феномена и позволяет выявить следующее.

Во-первых, культурная репрезентация, будучи эволюционной реплицирующей единицей, участвует в трансмиссии не только благодаря механизму имитации как главному негенетическому способу передачи информации, но также может иметь субститутивное значение. Анализ субституций в культуре позволяет уйти от критического подхода к культуре как наполненной симулякрами, а также дает возможность указать на автономность и семантическую самостоятельность культурных феноменов.

Во-вторых, в некоторых случаях применение субститутивного подхода к анализу религиозных ритуалов выявляет внутренний, в определенном смысле феноменологический смысл церемониальных действий, в то время как внешняя, антропологическая точка зрения на ритуал заключается в том, чтобы интерпретировать его как символическую имитацию. В этом отношении можно наметить сближение методов феноменологии религии и феноменологии игры в исследовании религиозных практик.

В-третьих, критическое развитие субститутивного подхода демонстрирует сближение детской игры, произведения искусства и религиозных ритуальных действий в рамках понятия *make-believe*, то есть притворства и «игры понарошку». С этой точки зрения происходящее во время детской игры (например, хоббихорсинга) и религиозных церемоний (например, захоронение игрушечной лошади в могиле аристократа) придает воображаемой ситуации статус реальных событий, требует синтонии, эмпатического усилия, в то время как невовлеченному наблюдателю этот смысл будет не интересен и, вероятно, для него останется непостижим. Точно также эстетический опыт восприятия произведения искусства требует определенной установки.

В-четвертых[, понятия имитации и субституции можно применять также и при анализе процессов секуляризации, поскольку сопоставление светских и религиозных феноменов культуры часто рассматривается в ракурсе подражания и замещения (когда, например, говорят, что *на смену* религиозным явлениям пришли светские: вместо таинства исповеди люди стали ходить к психологу, посты сменились диетами, церковная десятина трансформировалась в пожертвования фондам и благотворительным организациям и т.д.).

В целом применение понятий имитации и субституции к анализу религиозных феноменов в сопоставлении с их культурными проявлениями в популярной и художественной культуре определяет перспективу дальнейших исследований этой проблематики в ракурсе эпистемологии воображения и антропологии символа.

Список литературы

Источники

Аристотель. Поэтика. – Ленинград : Академия, 1927. – 124 с.

Ассоциация Хоббихорсинга России : официальный сайт. – URL: <https://ahhr.ru/> (дата обращения: 27.07.2024).

Атхарваведа (Шаунака) : в 3 т. – Москва : Восточная литература, 2007. – Т. 2. – 504 с.

Finnish Hobbyhorse Championships: официальный сайт. – URL: <https://keppihevostensm.fi/en/home/> (дата обращения: 27.07.2024).

Hobby Horse Revolution (2017) : документальный фильм / реж. Сельма Вилхунен. 01:28:00 (время воспроизведения). – URL: <https://tv.apple.com/ru/movie/революция-хоббихорсинга/umc.cmc.arkrp0tsif3wgrf4keciopbh> (дата обращения: 27.07.2024).

Исследования

Валлон А. Психическое развитие ребенка. – Москва : Просвещение, 1967. – 196 с.

Гинзбург К. Репрезентация : Слово, Идея, Вещь // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 33. – С. 5–21.

Кайуа Р. Мимикрия и легендарная психастения // Миф и человек. Человек и сакральное. – Москва : ОГИ, 2003. – С. 83–104.

Лоренц К. Обратная сторона зеркала : сб. трудов. – Nyköping (Sweden) : Philosophical arkiv, 2016. – 633 с.

Небольсин Д.И. Изображения как субституты: от Гомбриха до визуальных исследований // Философский журнал. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 102–114.

Gombrich E.H. Meditations on a Hobby Horse and Other Essays on the Theory of Art. – New York : Phaidon, 1985. – 182 p.

Lewis-Williams D., Clottes J. The Mind in the Cave – the Cave in the Mind: Altered Consciousness in the Upper Palaeolithic // *Anthropology of Consciousness*. – 1998. – N 9(1). – P. 13–21.

Thiselton-Dyer T.F. British Popular Customs. Present and Past. – London : George Bell and Sons, York street, Covent Garden, 1876. – 520 p.

Walton K. Marvelous Images: On Values and the Arts. – New York : Oxford University Press, 2008. – 272 p.

References

- Vallon, A. *Psikhicheskoe razvitie rebenka* [Mental development of child]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 196 p. (In Russ.)
- Ginzburg, K. *Reprezentaciya: Slovo, Ideya, Veshch'* [Representation: word, idea, thing]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 33, 1998, pp. 5–21. (In Russ.)
- Kajua, R. *Mimikriya i legendarnaya psikhasteniya* [Mimicry and legendary psychastenia]. In *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and man. Man and the sacred]. Moscow, OGI Publ., 2003, pp. 83–104. (In Russ.)
- Lorenc, K. *Oborotnaya storona zerkala: sb. trudov*. [The reverse side of the mirror: collection of works]. Nyköping (Sweden), Philosophical arkiv Publ., 2016. 633 p. (In Russ.)
- Nebol'sin, D.I. *Izobrazheniya kak substituty: ot Gombrikha do vizual'nykh issledovanij* [Images as substitutes: from Gombrich to visual studies]. In *Filosofskij zhurnal*. V. 15, no. 1, 2022, pp. 102–114. (In Russ.)
- Gombrich, E.H. *Meditations on a Hobby Horse and Other Essays on the Theory of Art*. New York, Phaidon Publ., 1985. 182 p.
- Lewis-Williams, D., Clottes, J. The Mind in the Cave – the Cave in the Mind: Altered Consciousness in the Upper Palaeolithic. In *Anthropology of Consciousness*, no. 9 (1), 1998, pp. 13–21.
- Thiselton-Dyer, T.F. *British Popular Customs. Present and Past*. London, George Bell and Sons, York street, Covent Garden Publ., 1876. 520 p.
- Walton, K. *Marvelous Images: On Values and the Arts*. New York, Oxford University Press Publ., 2008. 272 p.